

Языковое сознание в интраэтнической среде: некоторые аспекты проблемы

© кандидат филологических наук Т.А. Фесенко (Тамбов), 1999

Ставшее употребительным лишь в XVIII веке слово “сознание” подразумевало всю совокупность полученных самим человеком, а также унаследованных им опыта и знаний. Сознание связано с деятельностью мозга; несомненно, признание центральной роли мозга для человеческого существования так же старо, как сама европейская наука; однако суть связи между деятельностью мозга и сознательным поведением была тематизирована значительно позже.

Анализ существующих определений и понятий сознания выявляет наличие трех вариантных пониманий одного и того же, в принципе, феномена:

1. Интроспективное определение сознания, являющееся исходным, понятным каждому индивидууму и отражающее наивный подход к феномену сознания. Рассматривая учение И. Канта о сути человеческого познания, представленного как трансцендентальный процесс, А. Шопенгауэр отмечал, что до Канта голова была в пространстве, а после Канта — пространство оказалось в голове. То есть когнитивный мир в трансцендентальном смысле является продуктом нашего сознания.

Следующий парадокс данного подхода имеет, думается, больше морально-этический, чем когнитивно-теоретический характер: противопоставленными оказываются неразрывность сознания с функционирующим мозгом, с одной стороны, и убеждение о личной свободе воли — с другой.

Известно, что интроспективно человек устанавливает свою идентичность мгновенно, в рамках ограниченного времени, позволяющего индивидууму интегрировать себя в свое сознание, иллюстрацией чему может служить известная с IV века притча: “Приснилось однажды Чжуандзы, что он мотылек, ничего не знаящий о Чжуандзы. Проснувшись, он понял, что он Чжуандзы, но не знает, приснилось ли Чжуандзы, то он — мотылек, или мотыльку приснилось, что он — Чжуандзы” (цит. по: [1: 84]).

2. Эмпирически определяемое понятие сознания, употребляемое в клинической и экспериментальной психологии, связанное с нейропсихологическими и нейропатологическими исследованиями.

Составными частями такого трактования сознания выступают “схемы”, “планы” или “когнитивные структуры”, являющиеся не отражениями или копиями предметов, событий окружающего мира, но абст-

рактными единицами, структурирующими события и структурируемыми ими.

При таком определении сознания исчезает парадокс временного и содержательного ограничения сознания, с одной стороны, и неограниченной способности к познанию — с другой.

3. Интенциональное или эпистемологическое понятие сознания, рассматриваемое в современной теории познания как умозрительное (априори) условие возможности познания, включающее в себя несколько “интенциональных” ступеней. Интенциональность интерпретируется как ключевое понятие для объяснения структуры любого поведения.

Многими современными исследователями признается необходимость изучения сознания как субъектно-объектной реальности. Так, в основе предложенной М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским метатеории сознания лежит выяснение природы ментальной необходимости”, вызывающей стремление к попытке понимания сознания для себя и попытке экспликации этого понимания в виде определенного текста. Особую роль при этом играет некоторая внутренняя отрицательная способность, которая выражается в так называемой “борьбе сознания”: сознание — через стремление человека — перестает быть автоматически функционирующей частью природы; оно становится познанием, и на *данное время* (ибо оно осознается не в физическом смысле) как бы становится метасознанием. Борьба с сознанием служит источником познания, поскольку эта борьба — проявление самого способа существования человека как сознательного существа, который вынужден решать обозначенную проблему “в качестве *своего* способа существования”. Сознание — это не психический процесс в классическом психический процесс в классическом психофизиологическом смысле слова, что было отмечено еще в середине первого тысячелетия до новой эры буддийскими мыслителями, предполагавшими под сознанием тот уровень, где синтезируются *все* конкретные психические процессы, которые на этом уровне *уже* не являются самими собой (то есть они на этом уровне относятся к сознанию) [2].

Феномен сознания и его взаимоотношения с языком трактуются в современных концепциях с различных научных и методологических позиций, о чем свидетельствуют представленные в статье Ю.П. Сенюкова точки зрения М.К. Мамардашвили, В.П. Зинченко, В.В. Иванова, В.И. Медведева, В.Л. Деглина, В.В. Давыдова и других; авторами принята попытка дать определение понятию “сознание” или установить его компонентный состав [3].

В своем определении сознания Ю.А. Сорокин исходит из постулата, что язык и сознание соотносятся как два вида рефлексивного бытия человека, из которых сознание является интерпретируемым, а язык — интерпретирующим, то есть “способом опредмечивания сознания, стабильным механизмом интерпретации ментальной текучести (бессозна-

тельного)”. Сознание, по его мнению, “есть не что иное, как форма существования интеллекта и духа. Сознание — это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, имеющих нейрофизиологическую основу (“привязанных” к нейрофизиологическому субстрату) и работающих в информационно-телеологическом режиме (опережающее отражение)” [4: 20, 21].

Современная наука располагает целым рядом теорий, объясняющих природу возникновения сознания. Базисным для интересующего нас генетического подхода является постулат о взаимосвязи органических и когнитивных связей человека. Попытка объяснить возникновение когнитивных функций из органических, проводя аналогию между “обменом веществ” и “обменом информацией” [5], легла в основу генетического толкования сознания: эволюция сознания является следствием постоянного интенсифицирующегося механизма обмена информацией, функционирование которого подчинено определенным закономерностям.

В контексте этого подхода с учетом всей сложности рассматриваемого объекта возможно, думается, лишь рабочее определение понятию “сознание”, согласно которому человеческое сознание представляет собой внутриорганическую, конструирующую реальность специфическую потенцию функционирующего мозга. Метаорганическая функция сознания заключается в расширении сферы деятельности человека во внешнем мире с целью изменения внешнего окружения человека согласно его внутренним планам и представлениям.

Проблема соотношения мышления и языка, несмотря на свой традиционный характер, отнюдь не является банальной, ибо по мере получения новых фактов она рассматривается каждый раз под новым углом зрения.

В истории науки не раз предпринимались попытки рассмотрения знаковой системы (в том числе, и языка — вербальной знаковой системы) как *определенной проекции сознания*.

Платоновское учение об идеях является, предположительно, первым в истории человеческого мышления текстуально выраженным мышлением о знаках: некий другой мир дублировал действительность и соотносился с нею как знаковость с обозначаемостью; однако у Платона не идеи являются обозначениями предметов, а предметы служат обозначениями, знаками идей, которые, в свою очередь, выступают символами сознания.

Проблема взаимосвязи сознания и языка, языка и мышления сопровождает человека на всем пути его становления в *Homo sapiens*. “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”. Под “Словом” здесь понимается, конечно, не язык в логическом или филологическом смысле; это некая сущность, воплощающая, как представляется, источник мысли: лишь после того, как это “Слово” породило, человек может узнать, что он думает или чувствует и т.д.

Анализ основных парадигм взаимоотношения языка и сознания (Г.В.Ф. Гегель, В. фон Гумбольдт, В.Л. Уорф, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, Х.-Г. Гадамер, А.А. Потебня, М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский и другие) позволяет заключить, что еще преждевременно говорить о наличии целостной концепции, разработанной современной наукой.

Признавая способность языка выразить любое содержание, имеющее смысл, исследователи отмечают, что в языке должны быть закреплены не только результаты мышления, но и выражены состояния и переживания субъекта, его отношение к себе и окружающим, выдвигая в этой связи гипотезу о специфическом характере связи языка с индивидуальными внутренними процессами, источник которых сложно объективировать.

Указывая на сущность языка как средство оформления содержания сознания, авторы расходятся во мнении относительно способов структурирования содержания сознания. Многими из них постулируется наличие особого слоя психических содержаний между “чистой чувственностью” и оформляемыми в речи содержаниями сознания, который служит функциональным базисом речи и может выступать в качестве знака вообще (А.А. Брудный, Н.И. Жинкин, С.Д. Кацнельсон, А.А. Леонтьев, А.А. Залевская, Н.И. Горелов и другие).

Но эта проблема еще не нашла своего удовлетворительного решения.

В контексте речевой деятельности вербальные формы рассматриваются как специфическое средство закрепления в языке содержания мыслительных образов, в силу чего язык иногда называется косвенной формой отражения реальности.

Движение от мысли к слову обусловлено активизацией целой системы компонентов, обеспечивающих — в форме образов, схем, впечатков и так далее — чувственное отражение реальной действительности в сознании, реализуемое в концептуальной системе, в формировании замысла речевого сообщения.

Этот процесс свойственен представителю любого языкового коллектива, ибо он имеет надэтническую природу. Этнокультурную выраженность трансформируемая мысль приобретает в ходе вербализации, в связи с чем закономерен вопрос: когда, на каком этапе (уровне) рече-производства речевое сообщение “одевается” в этническую форму?

Основываясь на нейро- и психолингвистических принципах моделирования процесса речепорождения, представляется обоснованным подойти к изучению ментальных процессов, связанных с производством речи, в контексте этнопсихолингвистики с учетом понятийного аппарата теории этноса.

В разработке этнической проблематики и развитии теории этноса большую роль сыграли труды таких отечественных и зарубежных авто-

ров, как С.М. Широкогоров, М.И. Артамонов, С.В. Колесник, Л.Н. Гумилев, П.И. Кушнер, Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Г. Морган, Э. Тейлор, Ф. Рагцель и другие.

Итак, что же известно об этносах? Из многочисленных значений греческого слова “Этнос” релевантным для нашей работы представляется вариантное значение “вид, порода” (людей), ибо только “виды” людей могут группироваться на “своих” и “чужих” (“мы” — “они”), что характерно для всех стран, формаций и эпох; эллины и варвары, мусульмане и “неверные”, “православные” и “нехристи” и так далее. По предложенному Л.Н. Гумилевым определению, “формой существования вида *Ното sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем другим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени [6: 68].

Общая концепция этноса как самостоятельного явления, разработанная впервые С.М. Широкогоровым, и его дефиниция этноса как группы людей, “объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни” [7: 4-6], вызвала не столько возражений, как его детализация в аспекте в аспекте географии, где признается Среда, к которой “этнос приспосабливается и которой подчиняется, становясь частью этой Среды, ее производной”, и также в плане социальной структуры, рассматриваемой им как форма приспособления этноса и его развития за счет этнического окружения.

При изучении этноса явствует, что невозможно сознательное объединение в этнос; принадлежность к тому или иному этносу ощущается самим субъектом, и это констатируется окружающими как факт.

Этносы могут образовываться различными способами; например, монголы — на основе родства, сикхи — сектанты индийского происхождения — на основе религии, ставшей для них доктриной, а швейцарцы — в результате удачных военных действий с австрийцами, сплотивших население этой страны, где говорят на четырех языках, а образующим моментом существования этноса “римляне” стало не “единство языка, культуры или происхождения”, а общность исторической судьбы. Феномен этноса заключается в поведении его членов, в их поступках и взаимоотношениях; язык и культура не могут быть причиной этнической общности, они служат ее индикатором.

Бесспорным является тот факт, что этносы и этнические культуры отличаются друг от друга, и задолго до Монтеスキе — еще у арабских географов X-XIV веков — существовала гипотеза об обусловленности этих различий климатом, рельефом, флорой и фауной местожительства этносов. Ядро этнических свойств образуют такие компоненты этноса, как особенности его психики, культуры (и языка), а также самосознание этноса, которые обеспечивают функционирование этноса как естественно сложившейся на определенной территории и на основе оригинального стереотипа поведения коллектива людей, обладающих также харак-

терными особенностями культуры включая язык), психики и создающих свое единство в отличие от других подобных коллективов, фиксированное в самоназвании (этнониме).

Таким образом, сознание представителя этнической общности воспринимает и осмысливает окружающий мир соответственно сложившимся правилам, установкам и нормам, фильтрующим его психику от чуждых ему элементов. Этническая неповторимость выражается прежде всего в стереотипах, формируемых как единица социально-перцептивной деятельности представителей этнической общности и выполняющих важную функцию в воссоздании типичных этнических свойств. Определяющее место в системе стереотипов занимают модели мира, отражающие представления индивидуума об окружающем мире, своих отношениях с этим миром, о самом себе и включающие все знания, убеждения, усвоенные индивидом в результате социализации. Формирование этнического стереотипа является фактически ответной реакцией на социальную действительность; причем рассматривать стереотип поведения необходимо в контексте исторической эпохи. Например, оскорбленный Пушкин вызвал противника на дуэль, хотя наши современники стреляться по такому поводу не будут. За триста лет до Пушкина, в эпоху Ивана Грозного, купец Калашников убил за причиненную ему обиду опричника Кирибеевича в кулачном бою, нанеся ему нечестный, и с точки зрения современников Пушкина и Лермонтова — подлый удар в висок. А за двести лет до купца Калашникова в подобных случаях никто не старался убить своего обидчика: обиженный, особенно, если он имел более низкое социальное положение, просто уезжал в другое княжество. То есть временной срез обнаруживает совершенно иную реакцию на оскорбление, совершенно иной стереотип поведения.

Происхождение этноса завершается появлением этнического самосознания, трактуемого нами как осмысленное восприятие людьми отличного положения своей этнической общности в системе отношений с другими этносами, осознание ими своей принадлежности к данному этносу и понимание его интересов; этническое самосознание, безусловно, взаимосвязано с процессом выделения этноспецифических элементов духовной и социальной культуры, и, фиксируя этнопсихологические характеристики, оно определяет психологическое противопоставление одной этнической общности другой.

Этническое самосознание входит в структуру этнического сознания. Этническая природа сознания детерминирована пониманием феномена человеческого сознания, функционирующего в *интраэтнической среде* и обеспечивающего деятельность психических и ментальных систем человека, развитие его когнитивных способностей, а также взаимодействие человека с внешним миром с целью приспособления к нему или его изменения согласно личным представлениям человека, в результате чего возникают человеческая культура, “образ мира”, “картина

мира”, которые превращают реальный мир в “зеркало” внутренних “раскрашивает” в этнокультурные цвета язык с помощью системы своих значений и их ассоциаций.

Наши взаимоотношения с языком не бывают однозначно простыми и “безмятежными”, о чем свидетельствуют утверждения от категоричного “Язык мой — враг мой”, или высказывания Р.М. Рильке: “Нам вовсе не так уж уютно / В мире понятий и знаков”, до констатации В. фон Гумбольдта, что “язык сильнее нас”.

Дискуссионным в научной литературе остается вопрос о возможности языка означать окружающий мир и связанную с этим проблему понимания того или иного языка.

Хотя нейронаукой достаточно подробно изучены языки мозга, их значение и смысл тем не менее остаются неясным.

Языки имеют собственные правила грамматики, морфологии, синтаксиса, свой словарь, но для понимания того или иного языка знать все — это еще недостаточно, поскольку каждому вербальному знаку соответствуют концептуальные значения, которые необходимо осмыслить, то есть “перевести” их на собственный язык смыслов; однако “механизм” перехода от одного языка к другому, несмотря на многолетние исследования, по-прежнему остается гипотетическим: психолингвистами постулируется существование некоего универсального языка-транслятора, обеспечивающего “перевод” с одного языка на другой (ср. УПК по Н.И. Жинкину и предлагаемый язык глубинных семантических структур, образующих особое семантическое пространство). Постулаты о возможных внутренних семантических или грамматических структурах, то есть о своеобразном языке мысли, являются, думается, своего рода возрождением теории Л. Витгенштейна “об изоморфном отображении конфигураций вещей в мире в конфигурации имен (слов) в предложении. Сущность языка есть сущность мира — они имеют общую логическую форму. Она скрыта за грамматической поверхностной структурой реальной речи. Логическая глубинная структура постулируется как идеал, который проявляется себя в осмысленной речи, но, будучи мыслимым, он не может быть описан в языке” [8: 84].

В этой связи необходимо отметить, что языковые единицы, фиксируя в себе те или иные смыслы, восходящие к условиям жизнедеятельности этноса, отражают именно специфику его функционирования как системы, поскольку они возникают в своеобразных культурно-исторических условиях.

Подытоживая рассмотрение вышеобозначенной проблемы, можно заключить, что язык служит отправным моментом движения мысли и способом ее выражения; он опосредует также контроль за процессами самосознания и самоощущения. Следовательно, язык не только соотносится с мыслительными процессами, но и обуславливает субъективные состояния.

С помощью языка расширяются сферы познания человека; язык — инструмент порождения, хранения и трансляции нового знания; одна из его главных функций заключается в трансляции смысла, представляющего собой основное измерение человеческого бытия и сознания. Сознание представителя этнической общности воспринимает окружающий мир соответственно сложившимся правилам и нормам.

Этническому сознанию свойственна универсальность отражения этнического бытия, охватывающего все формы его осознания и отражения.

Одним из основных механизмов интерпретации этнического сознания является язык, ориентированный на описание интра- и интериндивидуальных ментальных процессов. Движение от мысли к слову обусловлено активизацией целой системы компонентов, обеспечивающих чувственное отражение реальной действительности в сознании, реализуемое в концептуальной системе. Этот процесс имеет надэтнический характер.

Этнокультурную выраженность трансформируемая мысль приобретает в ходе вербализации.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Guttman G.* Neurobiologische Korrelate des Psychischen // *Das Realismusproblem.* Bd. 2, Wien, 1988.
- [2] *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997.
- [3] *Сенокосов Ю.П.* Что такое сознание? // *Вопросы философии.* 1986, № 2.
- [4] *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [5] *Tembrock G.* Informationswechsel und Evolution // *Struktur und Prozess.* Berlin, 1977.
- [6] *Гумилев Л.Н.* Этнология и биосфера Земли. М., 1997.
- [7] *Широкогоров С.М.* Этнос // *Известия восточного ф-та Дальневосточного ун-та (Шанхай).* 1923. XVIII. Т. 1. Предисловие. С. 4.
- [8] *Вригт Г.Х. фон* Логика и философия в XX в. // *Вопросы философии.* 1922. № 8.